

Д.И. Писарев

[Ленский]

Из статьи «Пушкин и Белинский. "Евгений Онегин"» (1865)

<...>

Ш

<...> Постоянным собеседником и приятелем Онегина, скучающего в деревне, становится его молодой сосед,

По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

(Гл. II. Стр. VI)

Плоды учености этого господина были, по всей вероятности, никуда не годны, потому что этому господину было «без малого осьмнадцать лет»; а между тем он считал уже свое образование оконченным и помышлял только о том, чтобы поскорее жениться на Ольге Лариной, наплодить побольше детей и написать побольше стихотворений о романтических розах и о туманной дали. В чем заключались геттингенские свойства его души и в чем проявлялось его уважение к Канту, — это остается для нас вечною тайною. О его вольнолюбивых мечтах мы также ровно ничего не узнаем, потому что во время своих свиданий с Онегиным геттингенская душа только и делает, что тянет шампанское да врет эротические глупости. Неотъемлемою собственностью Ленского остаются, таким образом, длинные черные волосы, всегдашняя восторженность речи и пылкость духа с достаточною примесью странности. Все это вместе должно было делать его общество совершенно невыносимым для всякого мало-мальски серьезного и мыслящего человека; но Онегину эта недоучившаяся пифия, разумеется, очень понравилась, по той простой причине, что Онегину прежде всего было необходимо хоть чем-нибудь занять ту или другую пару форточек, то есть дать какую-нибудь работу или глазам, или ушам. А так как Ленский болтал восторженно и неудержимо, то, стало быть, участь онегинских ушей была вполне обеспечена.

Пушкин уверяет нас, что беседы этих двух мыслителей были чрезвычайно разнообразны.

Меж ними все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою череду,
Все подвергалось их суду.

(Гл. II. Стр. XVI)

В этих беседах могли бы обнаружиться и особенности геттингенской души и охлажденность онегинского ума; в этих беседах могли бы обрисоваться со всех сторон полити-

ческие, нравственные и всякие другие убеждения Онегина и Ленского; но, к сожалению, в романе не представлено ни одной такой беседы, и вследствие этого мы имеем полное право крепко сомневаться в том, имелись ли у этих двух праздношатающихся джентльменов какие-нибудь убеждения.

<...> Если эти споры действительно влекли к размышлениям, то они должны были состоять почти исключительно в том, что Ленский фантазировал и предавался сладостному оптимизму, а Онегин произносил разные печальные истины и охладительные слова. <...>

IV

Любопытно заметить, что грациозная мягкость изменяет Онегину именно тогда, когда она была необходима и когда охладительное слово было не только очень невежливо, но еще, кроме того, совершенно бесполезно. Вот каким образом Онегин рассуждает об Ольге, в которую, как ему известно, давно уже влюблен Ленский.

В чертах у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

(Гл. III. Стр. V)

Эта тирада, очевидно, была сказана только для того, чтобы полюбоваться насмешливою холодностью своего взгляда на природу и на жизнь. Ленскому эта грубая и бестолковая выходка против Ольги показалась очень неприятною, и, кроме этой, совершенно бесплодной неприятности, ровно ничего не вышло и не могло выйти из охладительного слова, произнесенного Онегиным ни к селу ни к городу, для услаждения собственного слуха. Впрочем, надо и то сказать, что Ленский сам напрашивается на подобные дерзости; он лезет к Онегину с такими конфиденциальными разговорами об Ольге, которые совершенно несовместны с серьезным уважением любящего мужчины к любимой женщине. Он, за бокалом шампанского, анализирует Ольгу с пластической точки зрения, и этому занятию он предается уже после того, как Онегин сравнил эту Ольгу с глупою луною. Вот его подлинные слова:

«Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!»

(Гл. IV. Стр. XLVIII)

Когда Базаров сказал своему другу несколько слов о плечах женщины, которую он видел в первый раз, тогда наша критика и наша публика порешили, что Базаров ужасный циник. Но если бы критика и публика потрудились перечитать «Евгения Онегина», то они увидели бы, что идеалист и романтик Ленский далеко перещеголял материалиста и эмпирика Базарова. Базаров говорил о незнакомой женщине, Ленский, напротив того, — о той девушке, в которую он был влюблен с детства; Базаров говорил только о плечах, Ленский — о плечах и о груди. <...>

Чтобы дорисовать личность Ленского, надо разобрать его дуэль с Онегиным. Тут читатель решительно не знает, кому отдать пальму первенства по части тупоумия — Онегину или Ленскому. Единственное возможное объяснение этого нелепейшего случая состоит в том, что оба они, Ленский и Онегин, совершенно ошалели от безделья и от мертвящей скуки. Онегину захотелось взбесить Ленского и таким образом отомстить ему за то, что у Лариных на именины Татьяны собралось много гостей, между тем как Ленский говорил Онегину, что не будет никого из посторонних. Чтобы исполнить свое намерение, Онегин танцует с Ольгой, сначала вальс, потом мазурку, потом котильон. Во время танцев он,

Наклонясь, ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал
И руку жмет — и запылал
В ее лице самолюбивом
Румянец ярче.

(Гл. V. Стр. XLIV)

Но спрашивается, что же он мог видеть? Что Онегин наклонялся к Ольге и шептал ей что-то, в этом, кажется, нет ничего преступного. Кавалеры обыкновенно говорят с дамами во время танцев, и никто не обязывает их говорить так громко, чтобы каждое слово было слышно во всех концах залы. Пошлого мадригала Ленский не мог ни видеть, ни слышать, потому что он был произнесен шепотом. Заметить пожатие руки было также невозможно, потому что это движение мускулов совершенно неуловимо для глаз. Что Ольга улыбалась и краснела — это Ленский, конечно, мог видеть; но, во-первых, во время танцев никто не хмурится; а во-вторых, Ольга могла раскраснеться именно от движения; наконец, если бы даже Ленский мог быть твердо убежден в том, что Онегин говорит Ольге комплименты насчет ее наружности и что Ольга улыбается и краснеет от удовольствия, то и тогда он не имел бы никакого основания сердиться ни на Онегина, ни на Ольгу. В двадцатых годах комплименты были еще в полном ходу, и дамы были еще так наивны, что находили их лестными и приятными. Стало быть, ни Онегин, ни Ольга не позволили себе решительно ничего такого, что выходило бы из уровня принятых обычаев. Но Ленский лезет на стены:

Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

(Гл. V. Стр. XLV)

А весь удар состоял в том, что Ольга не пошла танцевать с ним котильон. А не пошла она по той законной причине, что ее уже заранее пригласил Онегин. Легко может быть, что в двадцатых годах действительно существовали такие чудачки, которые принимали подобные события за жестокие удары. Но в таком случае надо будет сознаться, что у романтиков двадцатых годов была в голове своя оригинальная логика, о которой мы в настоящее время не можем составить себе почти никакого понятия. Кроме того, не мешает заметить, что женам этих чувствительных и пламенных романтиков было, по всей вероятности, очень скверно жить на свете.

Трагедия по поводу котильона происходит за неделю с небольшим до срока, назначенного для свадьбы Ленского, который знал и любил свою невесту с самого детства. Если Ленский осмеливается оскорблять бессмысленными подозрениями ту девушку, которую он знает с малых лет, и если эти подозрения могут возникнуть от каждого взгляда, брошенного Ольгою на постороннего мужчину, то, спрашивается, когда же и при каких условиях установятся между мужем и женою разумные отношения, основанные на взаимном доверии? И если о разумном взгляде на женщину не имеет никакого понятия геттингенская душа, читающая Шиллера и поклоняющаяся Канту, то, спрашивается, какая же разница существует между геттингенскою душою и душою вятскою или симбирскою? И что за охота была Пушкину посылать Ленского в туманную Германию за плодами учености и за какими-то вольнолюбивыми мечтами, когда этому Ленскому суждено было только сказать и сделать в романе несколько плоскостей, которым он мог бы с величайшим удобством научиться не только в своей деревне, но даже и в какой-нибудь букеевской орде? Что же касается до длинных волос, которые Ленский, по свидетельству Пушкина, также привез с собою из туманной Германии, то мне кажется, что они, при тщательном уходе, могли бы вырасти и в России.

Приехав домой после измены коварной Ольги, Ленский посылает Онегину

Приятный, благородный,
Короткий вызов, иль картель.

К сожалению, Пушкин не представляет нам того письма, которое написал по этому поводу «поклонник Канта и поэт». У Пушкина сказано только, что

Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.

Но так как вызов надо же чем-нибудь мотивировать, то было бы очень любопытно посмотреть, каким образом Ленский вывернулся из этой задачи, то есть каким образом он ухитрился писать к Онегину о небывалом оскорблении. Впрочем, рыбак рыбака видит издалека. Ленский, вероятно, предчувствовал, что всякая пошлость непременно найдет себе сочувственный отзыв в душе его бывшего друга и что, следовательно, в сношениях с этим бывшим другом можно нарушать совершенно безбоязненно все правила обыкновенной человеческой логики. Ленский, по-видимому, понимал, что Онегин, как светский человек, есть прежде всего машина, которая при известном прикосновении непременно должна произвести известное движение, хотя бы это движение при данных условиях было совершенно бессмысленно и даже крайне неуместно. Разумеется, Онегин вполне оправдывает надежды своего достойного друга. Получивши «приятный, благородный, короткий вызов», он, как образцовый денди, не требует никаких дальнейших объяснений и отвечает приятно, благородно, коротко, «что он *всегда готов*».

<...>

V

<...>.

К Ленскому Белинский относится очень справедливо и без малейшей нежности, вероятно потому, что ему самому приходилось встречать романтиков в действительной жизни. «Люди, подобные Ленскому, – говорит Белинский, – при всех их неоспоримых достоинствах (?), нехороши тем, что они или перерождаются в совершенных филистеров, или, если сохраняют навсегда свой первоначальный тип, делаются теми устарелыми мистиками и мечтателями, которые так же неприятны, как и старые идеальные девы, и которые больше враги всякого прогресса, нежели люди просто, без претензий, пошлые. Вечно копясь в самих себе и становя себя центром мира, они спокойно смотрят на все, что делается в мире, и твердят о том, что счастье внутри нас, что должно стремиться душою в надзвездную сторону мечтаний и не думать о суетах этой земли, где есть и голод, и нужда, и... Ленские не перевелись и теперь; они только переродились. В них уже не осталось ничего, что так обаятельно прекрасно (?) было в Ленском; в них нет девственной чистоты его сердца (?), в них только претензии на великость и страсть мараить бумагу. Все они поэты, и стихотворный балласт в журналах доставляется одними ими. Словом, это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди».

С этими словами Белинского я совершенно согласен; не вижу я только никаких *неоспоримых достоинств* в Ленском, не нахожу в нем ничего *обаятельно прекрасного* и не умею восхищаться *девственной чистотою его сердца*, потому что решительно не понимаю, кому нужна эта девственная чистота, какую она может принести пользу и какими прочными качествами ума и характера она застрахована от грязнящих и развращающих прикосновений действительной жизни. Если из приведенной мною цитаты выбросить вон *неоспоримые достоинства, обаятельно прекрасное и девственную чистоту*, то в остатке получится энергический и строгий приговор последовательного реалиста не только над одними романтиками, но и над всеми художниками, оставляющими без внимания горе и нужду современной действительности. <...>